

КОРОНАВИРУС КАК КАТАЛИЗАТОР НЕСТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА

В статье пандемия коронавируса, несущая угрозу здоровью и жизни людей, исследуется в глобальном, региональном и национально-государственном аспектах. Наряду с этим она рассматривается как значимый фактор дестабилизации отношений между странами в экономике, политике и других сферах деятельности. В связи с тем, что отдельные страны мира стремятся за ширмой пандемии реализовать свои геополитические планы, совершить новый передел мира, сама пандемия ими всемерно политизируется и используется для дискриминации как стран-конкурентов, так и тех стран, которые сами выбирают для себя собственный, а не навязанный извне путь социально-экономического и политического развития. И поскольку сложившаяся в мире ситуация отличается нестабильностью, авторы высказывают свое отношение к концепции «ответственного развития», призванной определить пути стабилизации международных отношений в постпандемическом мире.

При исследовании данной проблемы необходимо четко разграничивать такие понятия, как *пандемия* и *эпидемия*, обозначающие масштабы угрозы болезни. Так, термин *пандемия* акцентирует внимание на том, что инфекционная болезнь распространяется на целые страны и материки более широко, чем при эпидемии. Последняя же означает значительное распространение какой-либо инфекционной болезни, превышающее обычный для данной местности

уровень заболеваемости [1, с. 438, 720]. Такое уточнение позволяет объективно охарактеризовать переживаемую пандемию как явление глобальное со всей совокупностью опасных последствий, ведь по данным ВОЗ на октябрь 2020 г. уже 216 стран имели заболевших коронавирусом, а к концу года стало известно, что заболевание проникло даже в ряды исследователей Антарктиды.

История человечества богата событиями подобного рода. Но человечество преодолевает их как медико-биологическими средствами (главным образом через вакцинацию населения), так и социально-экономическими и политическими мерами, что превращает пандемии в затухающие эпидемии и сезонные заболевания. Фактически «История показывает: эпидемии, кризисы несут большие испытания, но они проходят и преодолеваются, а человечество пытается найти способ противодействия все новым и новым угрозам» [2, с. 67].

Таким образом, COVID-19 – это пандемия XXI в., борьба с которой только начинается. Ее опасность и масштабность нельзя недооценивать, но, на наш взгляд, нельзя и абсолютизировать значимость ее влияния на глобальные социально-политические процессы. Для вируса человек – только биологический организм, внутри которого он существует, сохраняется и развивается. А для общества и политики человек, сообщества людей, их дифференциация имеют первостепенное значение. В данном случае мы рассматриваем ситуацию, где слепая сила природы противостоит обществу, сознательной деятельности людей и их интересам. Столкнувшиеся силы явно не равны. Человек, общество возникли и развиваются в своей истории благодаря преобразованию природы, противостоянию ей, опираясь на опыт, науку и целеустремленную, сознательную модернизацию мира. Это и гарантирует нам победу над очередной пандемией. Вопрос лишь в том, за какое время, какими средствами и каким числом жертв. Ответы на эти вопросы находятся в сферах экономики, политики и науки. В этой триаде потенциал успешной деятельности разный: экономика в современной пандемии погружается в глубокий кризис, наука активно и не без успеха ищет средства противодействия ей, политика же должна решать возникающие задачи, мобилизуя свой потенциал и предшествующий опыт, накопленный на национально-государственном и глобальном уровнях. Однако в политике отдельных стран, претендующих на мировое лидерство, часто наблюдается существенный разрыв между словом и делом, между должным и сущим. Подтверждением тому является их стремление использовать пандемию как политический (точнее политизированный) аргумент в отношениях с другими странами и их союзами, а также международными организациями. Осуществляется такая деятельность с целью реализации собственных геополитических интересов. Для этого ими используются как современные коммуникации и технологии, так и старые, апробированные на практике средства, схемы и шаблоны. В ход идут акции в «защиту прав человека», политические и экономические санкции, формирование и финансирование оппозиции и протестных движений в «неудобных» для них странах, провокации и т.д.

Так порождается хаос в странах-оппонентах, их дезорганизованность, политическая и экономическая нестабильность. Этими странами потом легко управлять по навязанным извне меркам и шаблонам. В такой борьбе сильные считают, что для достижения цели все средства хороши, а в результате такой политики мир подталкивается к усилению напряженности, нестабильности и неуправляемости, что в условиях глобализации грозит перерастанием «горячих точек» на планете в крупные военные конфликты.

В интервью Президента А. Г. Лукашенко политическим обозревателям Беларуси и зарубежья в ноябре 2020 г. дана следующая оценка современным международным отношениям: «Мир сегодня живет в условиях серьезных потрясений, которые требуют глубокого анализа. Мы практически в прямом эфире наблюдаем слом привычного образа жизни, погружение планеты в системный кризис. Главной причиной происходящего многие СМИ называют коронавирус. Уже говорил... что это лишь повод, ширма, прикрываясь которой глобальные игроки в очередной раз пытаются переделать мир на свой манер» [3, с. 2]. Тесную связь между пандемией коронавируса и международными отношениями отмечает и экономическая наука Беларуси. Академик НАНБ, доктор экономических наук, председатель президиума академии В. Гусаков и кандидат экономических наук, директор Института экономики НАНБ В. Гурский пишут следующее: «Страх перед коронавирусом активно нагнетается и используется в разных странах как предлог для оправдания непопулярных мер, которые зачастую идут вразрез с законодательством и международными договоренностями. Принудительно остановлены конкурентоспособные предприятия и современные высокотехнологичные отрасли... Закрылись границы, прервано сообщение между государствами-партнерами. Под шумок происходит передел рынков и сфер влияния. Во многом это следствие жесткой изоляции и карантинных мер, а также неспособности ведущих государств справиться с социальными и экономическими проблемами, а возможно преднамеренные действия крупных торговцев» [4, с. 5].

Действительно, крупные торговцы и ТНК вместе с политикой в борьбе с конкурентами широко используют весь арсенал средств для победы над ними. В результате они «активно вытесняют национальные государства из экономической сферы, манипулируют ими в своих интересах» [Там же]. Все это подтверждается и отношением к Беларуси со стороны США, ЕС и отдельных международных организаций, не только экономических, политических, но и некоторых других.

Поскольку в условиях пандемии ни предприятия, ни границы Беларуси не закрывались, экономика нашей страны, по сравнению с теми, которые вводили жесткие карантинные меры, не понесла столь значительного урона. Несмотря на прогноз стремительного падения экономики Республики Беларусь со стороны международных организаций, а после президентских выбо-

ров вообще обвального коллапса, реальные результаты экономики страны обеспечили нам лидирующие позиции по росту экономики не только среди соседей, но и в целом по Европе.

Не подтвердили прогноз и санкции, очень широко используемые доминирующими политическими силами для давления на страны, самостоятельно выбирающие путь развития. Это подрывает авторитет международных отношений и права, а также отрицательно влияет на имидж стран и стабильность в мире. Комментируя ответные санкции Беларуси, направленные на стабилизацию положения в стране, специалисты отмечают их высокую эффективность. Так, профессор БГУ, экономист М. Ковалев поясняет, что Балтийские страны, даже опережая Евросоюз по вводу против нас политических санкций, не могут не осознавать, что мы можем переориентировать грузы из Клайпеды и Риги на территорию России. Он также обращает внимание на то, что «любое давление на нашу страну еще сильнее подталкивает Беларусь к интеграции с Россией», что принципиально противоречит планам геополитических устремлений Запада. Солидарен с этим мнением и политический обозреватель В. Боровик. Он считает, что под санкционным давлением извне «у белорусских предприятий появится возможность вместе с Россией и партнерами по ЕАЭС больше внимания уделить развитию импортозамещения, созданию наукоемких высокодоходных продуктов, услуг и тем самым минимизировать зависимость от тех стран, которые путем санкций пытаются воздействовать на Беларусь». Кроме того, он указывает и на очень болезненную для Европы проблему: «Беларусь защищает ЕС от нелегальных мигрантов, наркотрафика и других угроз. Мы можем не тратить на это деньги из бюджета, а всех направлять напрямую через границу... Мы, конечно, в этом не заинтересованы, но нас вынуждают к этим мерам» [5, с. 6–7].

Таким образом, белорусская модель социально-экономического устройства и развития продемонстрировала свою жизнеспособность и стойкость в условиях жесткого международного давления, длящегося уже четверть века, и ограниченности собственных природных ресурсов, даже вопреки пандемии, варшавско-вильнюсскому сговору под эгидой спецслужб США и ряда европейских стран, пытавшихся организовать государственный переворот в Беларуси, чтобы ликвидировать страну-оппонента и экономического конкурента. Сейчас мировой экономический кризис, подстегнутый коронавирусом, одни называют самым серьезным за столетие, другие – за послевоенный период. Но сам факт его развития не отрицает никто. Однако далеко не все его глубину и масштабность связывают с тем, что либеральная экономическая модель накопила и обострила целый ряд проблем социально-экономического и политического характера еще до появления коронавируса, которые он вывел в разряд первостепенных, требующих неотлагательного внимания и решения. Поэтому в научный обиход вошел и термин *коронакризис*, синтезирующий происходящие в мире процессы медицины, экономики и политики воедино.

Отнюдь не смягчают международные отношения и такие события скандального характера как, например, обвинение Соединенными Штатами

Америки Китая в том, что причиной пандемии коронавируса стала его утечка из лаборатории в Китае, где он якобы был произведен. В ответ на это обвинение министр иностранных дел КНР отвечал, что «в последние несколько месяцев мы видели отчеты, судя по которым вирус фиксировали в разных частях мира. Возможно, он возник там раньше, чем попал к нам». Действительно, в печати были сообщения о том, что в образцах сточных вод в Барселоне он был обнаружен еще в марте 2019 г., а в Италии, тоже в образцах сточных вод, его обнаружили в ноябре 2019 года. В связи с этим ВОЗ расследовала инцидент и безоговорочно сняла с Китая выдвинутое обвинение.

Между тем, в сложившейся международной ситуации появились признаки ее улучшения. 20 января 2021 г. новый президент США Дж. Байден в первый же день своего правления отменил ряд распоряжений прежнего, 45-го президента Д. Трампа, выразив готовность вернуться к единству с миром. Он одобрил возвращение США во Всемирную организацию по здравоохранению. В 2020 г. Трамп обвинил ВОЗ в том, что она в интересах Китая скрывает там масштабы эпидемии коронавируса и в отказе от реформ. Байден отменил и выход страны из Парижского соглашения по климату, которое мобилизует политику на сокращение углеводородных выбросов в атмосферу. Он также остановил строительство стены на границе с Мексикой, отменил ограничение на въезд в США мигрантов из ряда стран Ближнего Востока, введенное еще в 2017 году.

На этом фоне Европа ждет от США пересмотра пошлин на товары из ЕС (в размере почти 75 млрд долларов), остановки строительства газопровода «Северный поток-2» из Российской Федерации в ФРГ. Начало тенденции ослабления напряженности, смягчения международных отношений обнадеживает и имеет перспективу развития. Это четко просматривается и в том, что после телефонного разговора Президента РФ В. В. Путина с Президентом США Дж. Байденом был продлен договор об ограничении стратегических наступательных вооружений еще на 5 лет, о выходе из которого объявил Д. Трамп перед своим уходом с поста Президента США. Этот договор является и остается основой безопасности всего мира: он сдерживает гонку вооружений и сохраняет паритет сил на планете.

В третьем десятилетии XXI в., на первом всемирном экономическом форуме в Давосе В. В. Путин изложил позицию России по происходящим в мире событиям, связанным с пандемией коронавируса и ее влиянием на международную стабильность [6]. Он подчеркнул, что пандемия «лишь подстегнула, ускорила структурные изменения, предпосылки для которых уже были достаточно давно сформированы..., обострила проблемы и дисбалансы, ранее накопившиеся в мире», что «мы видим кризис прежних моделей и инструментов экономического развития», усиление социального расслоения, как на глобальном уровне, так и в отдельных странах, что вызывает «резкую

поляризацию общественных взглядов, ...рост популизма, ...обострение и ожесточение внутривнутриполитических процессов, в том числе в ведущих странах». По его мнению, все это «неизбежно сказывается и на характере международных отношений, не добавляет им стабильности и предсказуемости».

В данной ситуации, считает он, необходимо адекватно ответить на три ключевых вызова нашего времени. Первый из них – социально-экономический. За последние 40 лет глобальный ВВП удвоился, мощный подъем в развивающихся странах позволил более чем миллиарду человек выйти из бедности. Это коснулось также Китая и России. Как констатирует В. В. Путин: это выгодно «одному проценту населения, крупным транснациональным, прежде всего американским и европейским компаниям». В то же время, отмечает он, «за последние 30 лет в ряде развитых стран доходы более половины граждан в реальном выражении стагнировали, не росли. Зато стоимость услуг образования и здравоохранения выросли втрое». Наблюдается и рост безработицы в массовом масштабе, что усиливает напряжение в обществе. А на фоне широкого применения искусственного интеллекта, автоматизации и роботизации безработица затрагивает и основу современного общества – средний класс. Следовательно, резюмирует Президент В. В. Путин, «без активных и эффективных действий государства в этой ситуации не обойтись».

Второй вызов – общественно-политический. Экономика и неравенство раскалывают общество, порождают нетерпимость (социальную, национальную, расовую) и в странах с устойчивыми демократическими институтами. Нарастающее недовольство требует решения проблем по существу. Одновременно в жизни общества стали играть все большую роль информационные гиганты, способные по отдельным направлениям де-факто конкурировать с государством, влияя на миллиарды своих пользователей. Их монопольное положение в обществе оптимально для деятельности. «Но насколько этот монополизм соответствует общественным интересам, если они пытаются грубо и по своему усмотрению управлять обществом, подменять легитимные демократические институты, ограничивать или узурпировать право человека на выбор позиции в жизни и свободу ее высказывать?», – ставит вопрос В. В. Путин.

Третий вызов – это явная угроза дальнейшего обострения всего комплекса международных проблем. «Ведь нерешенные и нарастающие внутренние социально-экономические проблемы могут подтолкнуть к поиску того, на кого можно свалить, обвинить в своих бедах и перенаправить раздражение и недовольство своих граждан. И мы это уже видим», – констатирует российский Президент.

Анализируя обострение глобальной нестабильности под влиянием пандемии коронавируса, не стоит упускать из вида и ее региональные проявления. Например, в ЕС, как в одном из ведущих центров политической и экономической мощи мира, пандемия также явилась не только проверкой на прочность,

но и катализатором процессов, накопившихся ранее, а также «угрозой нового типа, к которой мировое сообщество оказалось не готово, что породило дискуссии о том, что “мир больше не будет прежним”» [7, с. 37, 38].

Пандемия подтвердила, что катализатором напряженности международных отношений могут быть и внешнеполитические риски. Например, Италия, одной из первых в Западной Европе столкнувшись с коронавирусом, остро ощутила проблемы соотношения региональной и центральной власти в стране, а также власти Рима и Брюсселя в ЕС. В первом случае каждая из областей Италии искала свой рецепт борьбы с болезнью или не воспринимала угрозу всерьез. Это вынуждало центральную власть Италии руководствоваться реактивным подходом к грозной опасности: вводить постепенно «красные зоны», а не предотвращать заражение. В результате таких действий (а зачастую бездействия) Италия стала одним из чемпионов по распространению болезни и количеству жертв в Европе. Во втором случае Евросоюз, получив обращение Италии о помощи в Центр координации чрезвычайного реагирования ЕС, ответил ей отказом. А затем последовало полное закрытие границ между странами ЕС, скандалы с поставкой масок и гуманитарной помощи Италии. Эту помощь в итоге ей оказали не НАТО и ЕС, а Россия и Китай, сделав лояльным пострадавшее население. На сложившуюся ситуацию общество страны отреагировало следующим образом: «62 % итальянцев настроены “негативно” или “очень негативно” по отношению к ЕС свидетельствовали данные июньских (2020 г.) опросов, при этом около 70 % не доверяет структурам ЕС». Более того, Дж. Парагоне в июле 2020 г. заявил, что “готов создать партию, стержневой идеей которой станет вопрос членства Италии в ЕС”» [Там же, с. 43–44].

В то же время, как отмечает А. А. Громыко, член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН, помощь со стороны России Италии или Сербии имела и другую оценку. В печати, констатирует он «например в *La Stampa*, появились заказные статьи, где опять пишут, что Россия это делает для раскола Запада, что эта помощь на самом деле бесполезная, что вместе с этими врачами-вирусологами Кремль запускает в Италию, Сербию и другие страны новых шпионов» [8, с. 74]. Западная пресса подобные претензии выдвигает и к Китаю, который «был страной, где оказался первый очаг этого вируса, но это и первая страна, которая выходит из кризиса... и как бы Китай не воспользовался этой ситуацией, чтобы с новой силой заявить о своих правах на мировое лидерство» [8, с. 73].

Академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (ИСКРАН) С. М. Рогов анализирует ситуацию с коронакризисом в комплексе с проблемой национальной безопасности. Он рассматривает эффективность беспрецедентных бюджетных мер для ликвидации ее угрозы, в том числе военные расходы. США и другие ведущие страны Запада по сравнению с кризисом 2008–2009 гг. в нынешней ситуации в разы увеличили бюджетные расходы (в % от ВВП) на решение возникших проблем: США их удвоили (пока не принят очередной дополнительный пакет): Германия – более чем в 5 раз; Франция, как и Великобритания – в 7 раз и т.д. США тратят на оборону беспреце-

дентно много: в настоящее время 700 млрд с лишним долларов в год. Это весомо нарушило устоявшиеся стереотипы экономической философии, запрещавшей финансирование с бюджетным дефицитом. Но это в свое время не спасло Америку от 9/11 (террористического акта 11 сентября 2001 г.), как «не смогло защитить американцев от коронавируса. Более того, сотни американских моряков и солдат сами стали жертвой пандемии. Количество умерших от коронавируса в штатах может превысить количество всех американцев, погибших в корейской войне, во вьетнамской войне, войнах на Ближнем Востоке и так далее» [9, с. 84].

В сложившейся ситуации большое внимание уделяется концепции «ответственного развития» как основы формулирования стратегических задач развития общества в его национальных и интернациональных аспектах и практики управления. Исходя из того, что «глобальные вызовы требуют глобальных ответов, но в условиях пандемии они должны быть адекватными и быстрыми», А. Дынкин и Е. Телегина дополняют: «Ответственное развитие требует широкого взаимодействия специалистов и менеджеров систем здравоохранения на международном уровне. Только объединенными усилиями можно решать задачи создания новых вакцин... Такая деятельность ни в коем случае не может развиваться на чисто коммерческой основе. Доступность результатов исследования и медикаментов для всего населения планеты независимо от доходов и географии должна быть закреплена в регламентах международных организаций, занимающихся проблемами здоровья и жизни людей» [10, с. 14].

Представляется, что концепция «ответственного развития», как и многие концепции прошлого, рисуют развитие и будущее состояние общества как идеал, к которому надо стремиться. Однако известно, что идеалы, как писал А. Я. Гуревич, характеризуются тем, что никогда полностью не соответствуют жизненной реальности и дают образец, достигнуть которого невозможно. Отличаясь относительностью и изменчивостью содержания, они формируются и определяются многими социальными и историко-культурными факторами. Это значит, что идеалы общественного развития устраивают далеко не все слои общества, не все политические силы и государства. За их реализацию необходимо бороться (зачастую и в жестких формах), что не всегда и не для всех приемлемо. Пока это так, безусловно, необходимо учитывать, что идеалы играют весомую роль в развитии общества, определяют поведение личности и масс, но в движении к ним следует тщательно взвешивать соотношение возможного и необходимого, темпов движения вперед, цену за достигнутый успех. Брать на себя ответственность за реализацию идеалов подобного уровня готовы не все политические силы или не все желают это делать, хотя такая потребность появилась давно и актуализируется со временем все больше и острее.

Итак, очевидная, но идейно-политически нейтральная, глобальная угроза, подобная пандемии коронавируса, уже не в первый раз в истории человечества демонстрирует миру его хроническую неспособность объединить усилия стран

и народов в борьбе со всеобщей опасностью. Она вызвала серьезные и масштабные медико-санитарные проблемы, угрожающие жизни и здоровью людей и подстегнула, но не породила требования народных масс разрешить и накопившиеся еще до пандемии острые проблемы социально-экономического и политического характера: ликвидировать бедность и нищету, реализовать на практике права человека, право наций и государств на самостоятельный выбор пути социально-экономического и политико-правового развития, обеспечить мирное сосуществование стран и народов... Эти проблемы могут решиться только политическим путем, который очерчен и обоснован в разных теоретических концепциях, в том числе и в концепции «ответственного развития». Но пока мировые центры силы и экономической мощи в первую очередь заняты реализацией своих геополитических устремлений, движения в этом направлении мы не увидим. Скорее наоборот. Эти центры сами склонны создавать управляемый хаос в намеченных районах, используя для этого любой повод, в том числе пандемию коронавируса, которая пришлась «кстати» для «боссов мира» в сложившейся ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современный словарь иностранных слов. – СПб.: Дуэт, 1994. – 752 с.
2. Лебедева, Л. Ф. О социальной ответственности в условиях борьбы с пандемией коронавируса и ее последствиями /Л. Ф. Лебедева // США & Канада: экономика, политика, культура 2020. – С. 57–70.
3. СБ Беларусь сегодня. – 14.11.2020. – С. 2.
4. СБ Беларусь сегодня. – 14.10.2020. – С. 4–5.
5. Кононович, Е. Не рой яму другому / Е. Кононович, Д. Умпирович // СБ Беларусь сегодня. – 03.12.2020. – С. 6,7.
6. Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938>. – Дата доступа: 18.02.2021.
7. Маслова, Е. Пандемия по-итальянски: стресс-тест для политической системы / Е. Маслова, Д. Савино // Современная Европа. – 2020. №4. – С. 37–49.
8. Громыко, А. А. Последствия пандемии для международных отношений / А. А. Громыко //США & Канада: экономика, политика, культура 2020. – С. 71–76.
9. Рогов, С. М. Пандемия коронавируса – возможны ли радикальные изменения образа жизни? / С. М. Рогов //США & Канада: экономика, политика, культура 2020; – 50/5/. – С. 81–84.
10. Дынкин, А. Шок пандемии и посткризисный мир / А. Дынкин, В. Телегина // МЭМО 2020, Т. 64. – № 8. – С. 5–14.

Поступила в редакцию 12.04.2021